

Сюань изо всех сил сдерживал улыбку. Он взял шёлковую салфетку, налил в деревянный таз немного горячей воды из котла, добавил холодной из пространства, проверил температуру и поднёс всё к Фэн Цяню. Затем намочил ткань, отжал, взял его за подбородок и ласково сказал:

— Иди сюда. Лаогун умоем тебе лицо.

Фэн Цянь застыл, а потом до него дошло.

— Так ты всё-таки понял, что означает это слово!

Он же объяснил достаточно ясно. Сюань не дурак — как мог неправильно понять? Всё это время просто издевался!

Сюань тихо рассмеялся, продолжая вытирать ему лицо.

— А мне показалось, тебе нравилось то значение, которое я «неправильно понял».

Фэн Цянь стиснул зубы. Попал точно в больное место. Признаешь — стыдно, отрицаешь — тоже не получается.

— «Лаогун» не нравится? Тогда «муж»? «Супруг»?

Улыбка в глазах Сюаня становилась всё ярче. Два пальца на подбородке постепенно сжались, притягивая Фэн Цяня ближе.

Дыхание у того на миг сбилось. Он смотрел на приближающееся лицо Сюаня — красивое до невозможности, улыбающееся. Янтарные глаза напоминали глубокое древнее озеро, покрытое весенней рябью: вроде бы холодные, а всё равно полные чувства.

Но сейчас Фэн Цяню почему-то казалось, что под этой гладью прячется огромный зверь, способный проглотить его целиком.

По спине пробежал холодок.

Вечерний ветер шевельнул волосы Сюаня, пряди щекотно коснулись лба Фэн Цяня, и тот наконец пришёл в себя.

Что за глупости. Сюань — его зверолод. С чего бы ему причинять вред?

Но слова «муж» и «супруг» в таком контексте Фэн Цянь употреблял только про Голубую звезду. Откуда Сюань их знает?

И тут он вспомнил вчерашнее вино.

Вчера Фэн Цянь перелил готовое виноградное вино в кувшин. Получилось его немного, изначально он хотел оставить всё для маринада и готовки, но запах вина и фруктов оказался слишком соблазнительным. Они с Сюанем выпили по миске.

Сам Фэн Цянь пьянел буквально от капли. Последнее, что он помнил, — как висел на Сюане и восторгался тем, что первобытный человек впервые попробовал алкоголь, а уже держится лучше него.

— В том мире ты называешь меня «лаогуном». А как тогда я должен называть тебя? — Сюань всё ещё держал его за подбородок. Янтарные глаза смотрели прямо и спокойно. — «Малыш»? Или «жёнущка»? Как тебе больше нравится?

Фэн Цянь сглотнул.

Вот оно.

Проклятая пьянка. Секрет, который он собирался унести в могилу, он сам вывалил наружу, напившись до беспамятства.

Сюань ласково потёрся о его щёку высоким носом. Фэн Цянь дёрнулся — ощущение было такое, будто его лизнула ядовитая змея.

И раньше не замечал, что в этом тигре есть задатки настоящего психа.

Сначала холодная неземная красавица, потом беленький снаружи и чёрный внутри кунжутный шарик, теперь вот это. Сюань что, луковица? Сколько в нём ещё слоёв?

Так что сейчас происходит? Осенний расчёт по долгам? Что ему придумывать... то есть объяснять?

А утренние слова...

«Жди меня дома».

Это был последний срок для добровольного признания?!

Он ведь не специально скрывал. Переселиться в чужое тело — не то достижение, которым хочется хвастаться. Чем меньше людей знает, тем лучше.

Тем более при первой встрече с Сюанем в этом теле уже был он. Какая разница, рассказывать или нет?

— В твоём мире ты зовёшь меня лаогуном, — голос Сюаня прозвучал прямо возле его уха. — А кто ты сам?

Пальцы, державшие подбородок, скользнули по шее и остановились на небольшом кадыке.

— Когда мы встретились впервые, это уже был ты. Верно?

Они жили бок о бок каждый день. Сюань не мог быть настолько глуп, чтобы не узнать собственного полузверя. Но именно потому, что речь шла о его партнёре, он обязан был убедиться окончательно.

Если этот человек каким-то злым способом убил настоящего Фэн Цяня и занял его место, а Сюань ничего не заметил и продолжал держать чужака на ладонях как сокровище...

— Ты говорил, что перестал быть глупым после какой-то травы. Это была ложь для «первобытного человека». Ты стал умным потому, что внутри оказался другой человек.

Голос Сюаня был уверенным.

— Ты постоянно используешь странные слова, которых никто здесь не знает. Делаешь мыло, свечи и другие странные вещи. Всё это не из кроличьего племени. Это с Голубой звезды, да?

Он придвинулся ещё ближе и, всё так же улыбаясь, медленно произнёс:

— Малыш. Не лги мне.

Пальцы лежали прямо на горле.

Фэн Цянь ни секунды не сомневался: скажи он сейчас «нет» — и этот тигр вполне способен свернуть ему шею.

Домашнее насилие! Самое настоящее!

Тигр-тиран. Негодяй. Сволочь-зверолюд!

Фэн Цянь глубоко вдохнул и спокойно сказал:

— С самого начала был я. Всё, что ты понял, — правда.

Сюань наверняка выводывал всё вчера, пока он был пьян. Воспользовался беспомощным человеком, семейный тиран!

— На первой встрече это я не выдержал и начал тебя обнимать. Это меня ты тогда чуть не загрыз. Это меня назвали распущенным и заставили при всех проверять красную метку. Я только-только переселился и вообще не привык к телу полузверя! Откуда мне было знать ваши дурацкие правила?

— Во второй раз, у горячего источника...

Фэн Цянь закусил губу и замолчал. До сих пор было стыдно представлять, видел ли Сюань, как он тогда нагнулся, выставив зад, чтобы вымыть волосы.

— Союз с тобой заключал я. Готовил тебе я. В одной постели с тобой валялся тоже я. От начала до конца — я! А ты ещё смеешь сомнева— м-м!

Он сам себя распалил и уже почти обиделся по-настоящему, когда Сюань внезапно закрыл ему рот поцелуем.

Фэн Цянь разозлился ещё сильнее и несколько раз с силой стукнул его кулаком в грудь. Всё равно тигр толстокожий — жалеть нечего.

Поцелуй продолжался, пока полузверь окончательно не затих, тяжело дыша и обмякнув в его руках.

Сюань убрал с его щеки растрепавшиеся волосы. Взгляд стал глубоким.

— Ты можешь вернуться?

— Вернуться? Куда? — Фэн Цянь сначала не понял, потом сообразил. — На Голубую звезду?

Вот чего этот домашний тиран боится.

— Как я туда вернусь? И зачем? Зомби кормить? — Фэн Цянь закатил глаза. — Ты вчера, пока я был пьян, много чего из меня вытянул, да?

— Моё прежнее тело, наверное, вообще разлетелось в кровавую пыль. Как мне верну—

Он не договорил. Сюань снова крепко обнял его, так что заныли кости.

— Больше такого не будет, — тихо и серьёзно сказал зверолоуд. — Теперь я буду защищать тебя.

Это прозвучало как обещание.

Кулак Фэн Цяня сжался, но он всё-таки не ударил.

Если сложить обе жизни, он старше Сюаня на несколько лет. Не будет же взрослый человек всерьёз спорить с маленьким тигрёнком.

Увидев, что янтарные глаза всё ещё тёмные, Фэн Цянь улыбнулся и подцепил его пальцем за подбородок.

— Раз уж ты всё выведал, то должен знать: я на несколько лет старше тебя. Ну-ка, маленький тигр, скажи «старший брат».

Тишина.

Они посмотрели друг на друга.

Нет. Этого Сюань говорить не собирался.

Уголки его глаз внезапно выгнулись в улыбке. Он подхватил Фэн Цяня и понёс обратно в грот.

— Днём! Ты что творишь? Поставь меня!

— Отвали! И не смей больше говорить мне те два слова!

Фэн Цянь ещё долго ругался изнутри грота. Теперь стоило Сюаню назвать его «малышом», как по коже ползли мурашки.

На следующий день был отдых: ни коллективной охоты, ни сбора.

Фэн Цянь полночи думал о неудавшемся очаге и наконец придумал выход.

Дрова дымят. А если использовать древесный уголь?

У подножия заднего склона он нашёл небольшой земляной холм и вырыл в нём простейшую угольную печь.

Лучше всего для выжигания подходила свежесрубленная влажная древесина: она легче превращалась в уголь. Порода тоже имела значение — твёрдое дерево давало более плотный, долго горящий уголь.

Пространство Сюаня было забито осенними запасами. Древесины туда помещалось немного, поэтому оба спускались с горы ещё и с брёвнами на плечах. Пришлось сходить два раза, прежде чем печь заполнилась.

Потом понадобилась жёлтая глина. Её нужно было не так много, поэтому за один поход Сюань принёс достаточно.

Фэн Цянь накрыл древесину сухой травой. Глину развёл водой до густой массы и замазал ею печь поверх травы слоем примерно в три пальца. Снизу оставил отверстие для огня, сверху — небольшой дымоход.

После розжига древесина начала прогорать, печь постепенно оседала, в глиняной корке появлялись трещины и из них вырывался дым. Фэн Цянь снова и снова замазывал их, оставляя единственный выход — дымоход.

Смысл выжигания угля заключался в неполном сгорании древесины. Опытный углежог по цвету дыма мог понять, что происходит внутри, когда пора прекращать горение и закрывать вход.

Фэн Цянь делал это впервые. Он знал лишь общий принцип, поэтому всему приходилось учиться на месте.

Провозившись до обеда, он наконец замазал все заметные щели. Но присматривать за печью всё равно требовалось.

В нескольких метрах от неё они с Сюанем устроились за каменным столом. На обед подали жареное, тушёное и запечённое мясо и суп с креветками. Сплошное мясо.

Фэн Цянь ещё помнил себя в первые дни после переселения: тогда казалось, что он мяса восемьсот лет не видел. А теперь внезапно захотелось травы.

Не то чтобы мясо разонравилось. Просто стало тяжело. После еды почти всегда хотелось съесть пару долек плода рута или выпить кислого фруктового чая.

Наверное, из-за кроличьего тела?

Но сейчас поздняя осень, трава пожухла, деревья голые. Способности нет. Где взять свежую зелень? Я принёс немного сушёной, но это совсем не то. Вчера на сборе Фэн Цянь не выдержал и нарвал целый мешок листьев гнездового пуха — единственной свежей зелени, оставшейся в

это время года.

Вот только стоило вспомнить, для чего обычно используют корни этого растения, аппетит исчезал.

Сегодня хочу мясо, завтра траву. Капризы меняются каждый день. Какой зверолод такое выдержит?

— В пространстве остались две неразделанные туши пятнистых зверей. После еды схожу к Большому озеру, заодно наберу раковин для мыла, — сказал Сюань.

При словах «Большое озеро» Фэн Цянь внезапно вспомнил о половине водоёма, заросшей увядшими лотосами. Лист местного лотоса был больше метра в диаметре. Какого же размера тогда корневища?

Лотосовый корень — тоже овощ.

— Сюань, в племени есть зверолоды, чья звериная форма хорошо чувствует себя в воде?

— М-м? Тебе зачем-то нужно под воду?

Фэн Цянь кивнул.

— Ничего срочного. Просто я знаю один съедобный корень, который растёт под водой. Полузверям собирать его неудобно.

Сюань немного подумал.

— Ты про лотосы в Большом озере? Их корни съедобны?

Глаза Фэн Цяня загорелись. Вот за что он любит умных людей — не приходится объяснять по сто раз.

— Их корневища называются лотосовым корнем. Очень хороший овощ. У лотоса вообще почти всё полезно: цветы и листья можно сушить на чай, семена из коробочек варить с кашей. Жаль, сейчас цветов уже нет, а семена птицы съели или они осыпались в воду. Остался только корень.

— В племени есть двое зверолодей-крокодилов. На суше им охотиться неудобно, поэтому в коллективной охоте они обычно ходят в человеческой форме и добывают меньше остальных. Зато постоянно ловят рыбу и отлично работают в воде. Если хочешь лотосовый корень, когда

пойду к озеру — спрошу их.

После обеда Сюань ушёл, а Фэн Цянь остался следить за печью.

После еды клонило в сон. Особенно рядом с тёплой угольной печью, под мягким осенним солнцем.

Прошлой ночью они снова просидели допоздна, окончательно разбираясь с историей переселения. Раньше Фэн Цяню казалось, что секрет ничего не меняет: при первой встрече с Сюанем внутри уже был он. Но после признания на душе неожиданно стало легко. Будто их отношения перешли от простой физической совместимости к чему-то духовному.

Сутки на этом континенте длиннее, чем на Голубой звезде, а осенью и зимой ночь ещё длиннее дня. Если сейчас уснуть, ночью опять не сможет закрыть глаза.

Фэн Цянь зевнул, потянулся и решил заняться чем-нибудь бодрящим.

Печь не требовала непрерывного контроля. Достаточно время от времени проверять и замазывать новые трещины.

Он вернулся в грот, достал очищенный зерновик и ступку. Хотел попробовать растереть зерно в муку.

Сегодня настроение хорошее. Самое время приготовить что-нибудь необычное и удивить невежественного первобытного человека Сюаня!

Если результат будет приличным, на следующем выходном можно сделать настоящий каменный жернов. Когти Сюаня отлично подойдут для обработки камня.

Большая красавица, которая добровольно выполняет всю тяжёлую работу, — разве не счастье?

<http://bllate.org/book/20473/2042107>